

"Путь Севера"
 /Новый Басюган/
 Из рассказа Акатьевой
 Александры Петровны
 старый адрес: 634021, Томск-21
 Сибирская 65 кв.4

Отец - Морьянин Петр Иванович - председатель Райисполкома Березовского района был арестован в 1931-32 г.г.. Через год из колхоза изгнали всю его семью и в 33 г. Морьяниновы оказались на барже, на которой везли переселенцев. Сначала в Красноярск, затем в Басюган. Везли в трюмах, на палубу выходить запрещалось, если только по нужде.

На глазах Александры Морьяниной в воду упала женщина. На крики о помоши ни капитан, ни охрана не реагировали. Прибыв на предполагаемое место, перед нами встала картина: слякоть, колючий кустарник, кругом лес, берег очень крутой и т.д. Жилье строили сами. До глубокой осени жили в балаганах, а зимой в срубе без крыши. Все "приезжие" были с семьями. Народ находился под постоянным присмотром охраны и комендантов. Следили за всеми: и за латышами и за эстонцами, евреями, русскими. Исключений ~~не~~ для кого не было. Из всех комендантов / Рогозин, Вязов, Никитин, Ямшиков / своей жестокостью отличался Ямшиков. Его ненавидели все. Боялись его, его глаза, шаги, движения, особенно режущие до боли по сердцу слова. Что и говорить, для него и охраны мы были просто тягловым скотом. Скотом, который только может впряжениться в лямки непосильного труда, который выражает свою ненависть только мчанием. И то, если животное имело право красные от боли и обибы глаза не отводить от хозяина. Мы же не имели и этого права. Родителей почти совсем не видели. Всех женщин на наделю забирали на корчевку леса, а мужчин - на месяц. С 7 лет многие дети самостоятель но вели незамысловатое "хозяйство". За труд получали по 2 кг муки в месяц на душу. Да и то, последние крохи охрана забирала. Обычной едой являлась баланда. А когда и той не было, то родители, сменяя друг друга, караулили - где закопают мертвую, облитую керосином, обгорелую лошадь. На свой страх и риск откальвали, несли в пом. До сих пор вспоминаю плач младшей сестры - не досталось облизнуть миску из-под баланды - опередили.

Поведение родителей лишь не многим отличалось от поведения детей. Отличие в том, что, не смотря на запреты, дети тянулись друг к другу, жили дружно. Но чувство приниженности, скованности всегда преследовали нас. Было не принято спрашивать: "Откуда, когда, где, за что?" Тяжелее всех было эстонцам и латышам. В первые зимние месяцы их не успевали хоронить. Ужасная дизентерия скашивала людей. Лишь через год в поселке

появились врачи и учителя. Все они, как и коменданты и охранники, были из числа вольных. "Вольный" и "невольный" - эти слова до сих пор терзают душу. Их значение мы испытывали на себе: "Я - вольная" - кричала лошь Ямщикова, плеснув в лицо одной из девчушек. А мы стояли и за спиной сжимали кулаки. Не глазах, одновременно у всего класса, блестели слезы. Нет, никто из нас не заступился, хотя все внутри посыпало и подталкивало: "Гадина..., тебя бы сейчас..." Невольный - значит ты должен стоять, не просто стоять, а молчать, молчать, когда тебя бьют, оскорбляют, насилуют. Боль..., разве могла ее почувствовать Ямщикова?! И лишь дети Вязова всегда заступались за нас. И тогда на глазах уже блестели слезы радости. С этими слезами у каждого из нас было связано что-то свое.

Так текло время, мы взрослели. И когда часто задаешь вопрос, а что же все-таки лучше - детство или Взрослые и дети. Между ними не было границ. "Неволя" - она стерла и физическую и умственную границы.

37 гол. Ночью в дверь кто-то забарабанил. Все дети бросились в угол комнаты, раздался рев. Вошли трое. Не сказав ни слова, стали производить обиск. Обыскивать было нечего: два маленьких ящика, в одном из которых играли сестренки, а в другом находились скучные вещи. Сломали и это.

Отец только ругался, когда его, заломив руки за спину, уводили в комендатуру. Папа никогда не рассказывал об этом попробе. Ясно было одно, когда избили, только тогда выяснилось, что им нужен Моряков П.И. не 1897г.р., а моложе. Только через много лет Петр Иванович узнает, кого он спас, кому дал шанс убежать. В 60-е годы в Красноярске произойдет встреча тесок.

Затем работала на "Рыбном заводе", закончив ФЗУ. Бригада Моряковой состояла только из переселенцев. Работали на совесть, с полной отдачей сил, особенно в годы войны. В военные годы режим усилился. За вынесенную рыбку, даже ребенком ожидала тюрьма. Но людей подкармливать надо было. Заводская комната мастера Моряковой Александры стала настоящей конспиративной квартирой. Подкармливали самых слабых, тех, кто не мог от головы стоять на ногах. Об этом знали все в бригаде. Но ни один не понес. Многих война унесла, но те, кто вернулся домой, уже не могли молча подчиняться голосу комендантов. Война, люди, окружающие их, пелившие с ними и радости и горе, вкус Победы, лали почувствовать себя лошьми. Если такому, перенесшему на своих плечах все возможные и невозможные испытания судьбы, кто-то заявлял: "Ты не имеешь права, молчи, "невольный"!" То кулаки, ранее сжимаемые за спиной, вдруг наносили удары. Матери, жены, вдовы, дети с гордостью смотрели на них. Но долгие годы страх не покидал нас. Поселок имел право покинуть только тот, кто связывал свою жизнь с "вольным" человеком. Долгое время Александре Петровне, имевшей уже сына от "вольного", не разрешали выехать из села.

постоянно приходилось показывать наши права. Телеграммы шли за одной в комендатуру. Настойчивость мужа победила. В 40-х годах уехала в Томск. Но и тогда прошлое всегда следило за нами. Ведь в паспорте стоял злосчастный штамп - переселенка, "враг народа". К паспорту боялась прикасаться, прятала подальше от людских глаз. Соседи не знали о нашем прошлом. Его Морьясовы тщательно скрывали. В 50-е годы этот штамп был аннулирован из паспорта. Это событие было величайшим радостным днем в семье. Только тогда мы почувствовали себя людьми. Страх, полозрительность оставались с нами навсегда. По-разному сложились судьбы детей Петра Ивановича Морьясова. Роза Морьясова была первой медалисткой села "Путь Севера". Поступила в Томский Государственный Университет на физико-математическое отделение. Получила диплом с отличием. Попросилась в Новосибирск на самолетный завод - отказали - "переселенка". Преподавала в университете. Затем с мужем Харловым уехала в Кемерово. Разбросала судьба сестер по разным городам. Но ясно одно, что дети и внуки их стали людьми. Время идет. И не бойтесь, Александра Петровна, они переняли у вас самое лучшее: доброе сердце, трудолюбие. И любимый внук Сережа никогда не услышит упрека в спину "невольный", "переселенец". Эти слова не упрек, а скорбь, скорбь нашей общей беды. Где теперь эти люди, имена которых с особой нежностью вспоминаешь сейчас, пересматривая старые пожелтевшие фотографии. И кто знает, как бы еще обернулась судьба, если бы не они.